

Сергей Степанов-Прошельцев

*Песни света
и воли*

Сергей Степанов-Прошелец

**Песни света и воли.
Стихи разных лет**

«Издательские решения»

Степанов-Прошелецев С.

Песни света и воли. Стихи разных лет / С. Степанов-
Прошелецев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500854-1

В книгу вошли стихи разных лет. Но при всей их разнице прослеживается одно: поэт всегда чувствует пульс времени и откликается на происходящие события. Даже если он неисправимый лирик.

ISBN 978-5-00-500854-1

© Степанов-Прошелецев С.
© Издательские решения

Содержание

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ	6
ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК	7
ПЕРЕД ДЕМБЕЛЕМ	8
ИЗ ДЕТСТВА	15
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Песни света и воли Стихи разных лет

Сергей Степанов-Прошелец

© Сергей Степанов-Прошелец, 2019

ISBN 978-5-0050-0854-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ ПЕСНИ СВЕТА И ВОЛИ

Родина радуг

Шорох мышиный пасмурных буден
больше терпеть невмочь!
Пусть будет праздник: скрипка и бубен,
в спелом румянце ночь!

Свет этой ночи, ласков и матов,
облаком заслоня,
в шёлковом платье, теплом от маков,
выйди встречать меня.

Звезды, как вишни, свесятся с веток
в срезе сквозных аллей...
Летней латунию лунного света
сердце мое облей.

Пусть встрепенется робкая радость
в травах, хмельных от рос,
слившись, как ветер, с родиной радуг —
с краем, в котором рос.

ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК

Стучали трости. Бренчали шпоры.
Роняли томно кокетки вздохи.
Сгорало время, как будто порох.
Начало века. Конец эпохи.

Каскетки. Маски. Вуаль из газа.
Как хмель, капризно завился локон.
Опорки. Лапти. Кольцо с алмазом.
Россия нищих. Россия Блока.

Кто напророчил ей в жизни злого?
Ей это было совсем некстати.
Стеснялась выйти – большеголова,
увидишь ночью – кондрашка хватит.

А взгляд от горя – как ветер синий,
и трепет в сердце – ведь он от Бога.
Как ей хотелось побыть красивой —
хотя б немного, хотя б немного!

А ветры выли. И грома рокот
крепчал, и тучи в кисель сбивались.
Свеча горела. Рождались строки,
в которых робко мечта сбывалась.

Не спал редактор, в чьей было власти
стихи печатать в своем журнале.
Он, как мальчишка, сгорал от страсти,
от жгучей тайны и от печали.

Врывался в окна птенец рассвета,
опустошала опять усталость...
Ах, Черубина-Елизавета,
зачем так сладко тебе мечталось?

А встреча... Что в ней? Осталась злоба
на то, что счастье промчалось мимо.
Уж лучше б дольше мечтали оба
о том, что было недостижимо.

ПЕРЕД ДЕМБЕЛЕМ

Время сонное зимы замедляет тихий бег;
неподвижные дымы приморожены к трубе.
Солнце мне заходит в тыл – солнце не перехитришь.
Любопытные коты на дорогу смотрят с крыш.

Проезжает самосвал – у шофёра сто забот,
а меня никто не звал и никто нигде не ждёт.
Никакой еще беды, жизнь не в тягость, как шинель,
и прозрачна, словно дым,
ждуций ветра в вышине

* * *

Примёрзла к веткам белая луна,
они напоминали стаю змей.
Я их очнуться тщетно заклинал,
на самодельной дудочке своей.

И мой порыв со временем угас,
он был холодный – так горит эфир.
И отравлял зимы прозрачный газ
и снега розовеющий зефир.

И я не в силах был понять никак,
зачем воронам бреющий полет.
И был мумифицированный карк
мне голосом, что к гибели ведёт.

Пустынная, простынная страна
в напудренном вельможном парике,
ты чересчур ко мне была строга —
учителка с указкою в руке.

Напрасно в этот я попал район —
он превратился в ледяной скелет.
Не отыскать здесь правду всех времён —
единственную правду на Земле.

Она – лишь сон. Я тоже стану сном.
Ну а во сне мне правда на фиге?
Она одна. Она дрожит огнём
потерянного напрочь очага.

* * *

Я прерву свою жизнь никакую
и опять улечу в никуда.
Я – как первый скворец. Я рискую:

ещё могут придти холода.

Но я жалобы не проскворечу —
я судьбе своей верен по гроб,
и она мне несётся навстречу,
и мы встретимся с нею лоб в лоб.

Скажут после: свернул бы направо,
не обрел бы могилу и крест...
Ну, какая тут невидаль, право?
Так, обычный дорожный наезд.

* * *

Взгляни: раскрылись у воды
на уровне с травой
герани белые цветы,
герани луговой.

В глазах у них застыл испуг,
у них так мало сил.
Они – как будто белый пух,
что лебедь обронил.

Не долго им гостить уже...
Господь, я так же мал,
дай доброты моей душе,
коль силы ты не дал!

* * *

По вечерам, когда, как воск, густеет мгла
и заполняет, словно газ, моё окно,
когда один, боюсь смотреть я в зеркала —
в них отражается не то, что быть должно.

Иная жизнь там, но не та, что я застиг,
что я пригубил, словно яд, из тигля дня, —
в безбрежной комнате всегдашний мой двойник
глядит в глаза мне, так похожий на меня.

Дрожит луна – зеленый дымчатый кристалл,
а мой двойник, как я, бесплодно одинок.
Он – тот, каким быть не хотел я и не стал.
Он – тот, каким я никогда бы стать не смог.

Мелькали годы, электричеством слепя,
он не старел совсем, румяный, как мечта.
Но жить, как жил я, ненавидя и любя
и забывая, – не пытался никогда.

Как горевал, как пил последнее вино,
как говорил всем, что прошедшего не жаль...
Он – только зеркало, я старше все равно
его на чью-то позабытую печаль.

Я проститься с тобой не могу

* * *

Запах духов, острый запах укропа,
белый шиповник в саду придорожном,
где чернобылом заросшие тропы...
Как бы забыть, да забыть невозможно.

Снова мне снится жасминовый ветер —
счастья пролётного бдительный сторож.
Как этот мир непонятен и светел!
Как он прекрасен, хмельной от простора!

В ставни закрытые веткою стукнет,
вновь уводя в бурелом чернобыла...
Только лишь юности это доступно.
Но для чего это все-таки было?

Но для чего эта память? На что мне
эта тревога и боль до предела?
Словно у старой заброшенной штольни
с часу на час ожидаю расстрела.

От бега коленные ноют суставы,
ботинки мои увязают в снегу,
а я всё бегу и бегу за составом,
а я всё проститься с тобой не могу.

Ты – там, за окошком, в тепле и покое,
куда не доносятся скрежет и шум,
а я... Я не знаю, что это такое,
зачем я бегу и рукою машу.

Каким запрещается это законом
с собой меня взять, как какую-то кладь?
А я всё бегу, всё бегу за вагоном,
боясь, обретая, тебя потерять.

И нет уже сил, и стесняет дыханье,
и поезд скрывается в сером снегу.
Но как мне поверить, что это – прощанье,
когда я расстаться с тобой не могу?!

* * *

Остановись посреди толчеи —
там, где оркестр, там, где солнце на меди.
Так ли созвучны заботы твои
с целью, которую сам ты наметил?

Бродишь потерянно, словно во сне,
все тебе чудятся чьи-то нападки...
Впору опомниться. Время – весне.
Время давно наступает на пятки.

Что-то на дачи увозят в кулях,
кто-то уже затевает ремонты.
Надо собрать свою волю в кулак,
надо очнуться от этой дремоты.

Надо увидеть, мгновенье ловя,
как по-весеннему светятся лица.
В сердце уже созревают слова,
как помидоры в совхозной теплице.

Снова учись удивленью у трав,
чутко внимающих птичьей капелле,
чтобы слова эти, музыкой став,
светлыми были, как песня капли.

* * *

От свежего ветра я снова пьянею,
от встречи неожиданной с раскидистой ивой.
Что может быть этой разлуки длиннее?
Что может быть этой разлуки тоскливей?

Я жил наугад, пробираясь вслепую,
но все-таки спорить пытался с судьбою,
любую усталость, невзгону любую
стремясь победить ради встречи с тобою.

Вновь мир для меня, как раскрытая книга,
как бусы, минуты на нитку я нижу.
Что может быть радостней этого мига,
когда я в глазах твоих радость увижу?

Что может быть больше, полнее, чем это?!
Пусть это – так мало, и это – так много:
всего только лучик зеленого света,
всего только миг перед новой дорогой.

* * *

Опять сплошняком туман и дожди,

срывается снег с высот,
приметам всем назло, вопреки,
и нету еще весны.
И снова неясно, что впереди,
по жизни опять несёт,
как будто по руслу горной реки —
швыряя на валуны.

Но слишком опасен ила кисель,
порогов ещё не счесть.
и пусть неприятностям нет конца,
сомнение верх берёт,
но есть ещё, кажется, в жизни цель
и силы как будто есть,
и надо вытереть кровь с лица
и к берегу чалить плот.

Ты выйдешь на берег. Ты будешь ждать,
не зная совсем о том,
что, словно радист, услышавший SOS,
бросает сразу дела,
ты мне помогла, если падал — встать,
и плыть, если плот — вверх дном,
и если плутал или шёл вразнос,
Полярной звездой была.

* * *

Окно в наличниках. Уют. В горшке — герань.
Здесь по утрам всегда встают в такую рань.
И свет не гаснет допоздна в хибаре той...
Не дай, Господь, другим познать беды такой!

Несёт вдова ведро с водой, ей смотрят вслед.
Но как нелепо быть вдовой — ей двадцать лет!
Вздыхнут соседи: «Да, дела, судьбы изгиб».
Она любимого ждала, а он погиб.

Не знал никто на той войне, где завтра фронт.
Она была лишь так — вчерне, сплошной экспромт.
Там снова калаша частят, в крови сугроб...
Его собрали по частям в свинцовый гроб.

За сына отомстил отец — Дауар-бек.
Теперь в глазах её свинец застыл навек.
И вот идет она — одна сквозь птичий гай,
не замечая, что весна, что снова май.
И лишь глаза — как будто крик, как будто стон.

В избе ее такой же лик глядит с икон.

* * *

Здесь, в иван-чаевой столице,
я открываю створки ставен —
и зелень лунная сочится,
как будто капельницу ставит.

Здесь тишина другой эпохи,
она дарована нам свыше.
Наверно, при царе Горохе
так можно было ветер слышать.

И этот голос, словно флейта,
звучит среди лесной державы,
где, как змея, узкоколейка
своё раздваивает жало.

Уеду. Это твёрдо знаю,
увы, таков удел сиротский,
но эта тишина лесная
меня проела до серёдки.

И пусть в судьбе моей пробелы —
вкусить не доведётся брашно,
но никакие децибелы
теперь услышать мне не страшно.

* * *

Это еще совершенно не довод —
то, что тревогу дожди насылают.
Липы цветение. Запах медовый.
Ты не грусти, что погода сырая.

Ты не грусти, что дожди за дождями,
брать во внимание это не нужно.
Лето пройдёт – и останется с нами
запахом липы – и сладким, и душистым.

Лето пройдёт – наши встретятся руки,
вспыхнет улыбка – как раньше, по-новой.
Липы цветение. Время разлуки.
Липы цветение. Запах медовый.

Старые вещи малы нам —
вытянулись за лето.
Душно. Пospела малина,
всюду полно бересклета.

Скоро метельные зимы
дунут – не высунуть носа...
Бродим, забыв про корзины,
словно во власти гипноза.

Лес, точно женщина, чуток.
Листья не ведают веса...
Как объяснить это чудо —
чудо летящего леса?

Нежный, кудрявый, высокий,
он погружен во внимание,
будто мои биотоки
чувствует на расстоянии.

Вышито солнце лесное
ягод затейливой вязью...
Брат мой, ты связан со мною
самою кровною связью!

Давно ль одуванчики пухом сорили?
Теперь же всё серо. Дождь форточку лижет.
Твой город, продутый ветрами сырыми,
всё ближе и ближе,
всё ближе и ближе.

Вокзал, дебаркадер, сараи, бараки...
Листва прилипает – не надо и клея,
но вспыхнет багрянцем осиновый факел —
и станет светлее,
и станет светлее.

Как долго я ждал и судьбе не перечил,
и гильдия бед меня, вроде, не ищет.
Я думал о том, как в преддверии встречи
мне сделаться чище,
мне сделаться чище.

Ты выйдешь из дома. Не всё голубое,
но верю: не смоет нас в море приливом,
и только с тобою, и только с тобою
я буду счастливым,
я буду счастливым.

ИЗ ДЕТСТВА

Иду ромашковою тропкой,
где раньше волны мох лизали.
Мне вслед коровы смотрят кротко
своими добрыми глазами.

Я был три месяца прикован
к постели, смерти бросив вызов.
Как Бог-страдалец на иконах,
я, вероятно, так же высох.

Не помогли пенициллины —
несла дежурство за спиною
старуха-смерть, но исцелило
лекарство верное, парное.

И вот идеёт оно лугами,
жуёт, хвостом от скуки машет.
И связь такая между нами,
как у пчелы и у ромашек.

* * *

Тот город прекрасен и юн — достался он мне задарма.
Как тысячи маленьких лун, желтеет на ветках хурма.
Не слышно ликующих птах... Судьба, ты отъезд мой отсрочь,
пока приютилась в ветвях, как ласточка, гибкая ночь.

Пока в том примолкшем саду, где зреет осенняя грусть,
как будто кого-то я жду
и знаю: уже не дождусь.

Есть такие поезда

* * *

Огней и бликов чехарда,
стоянка — пять минут.
Но есть такие поезда,
которые не ждут.

Они идут все дни в году,
их график напряжён.
Чуть зазевался — на ходу
уже не сесть в вагон.

Большой привет! Гремит состав,
и остаешься ты,
еще совсем не осознав

своей большой беды.

Беда! Пусть дни забот полны,
ты проигрался в дым:
в тебе засел синдром вины
перед собой самим.

Но эту жизнь ты выбрал сам,
себе назначив суд.
Как будто жил ты по часам,
что вечно отстают.

* * *

Бродил по городу чужак
с посеребрённым чубом,
шел не спеша, любой пустяк
ему казался чудом.

Глядел тот парень на закат,
на леса гребень редкий,
где красногрудый музыкант
усердствовал на ветке.

Боясь разбить, он в руки брал
зимы стеклопосуду,
и проявление добра
он чувствовал повсюду:

в карасьем профиле моста,
в реке, пристывшей малость.
Как сахар в чае, доброта
в природе растворялась.

* * *

Был пианист уже изрядно лыс
и аскетичен, как индийский йог.
Он выходил бочком из-за кулис —
зал еле-еле сдерживал смешок.

И медленно мелодия плыла,
как облака: за слоем – новый слой,
прозрачна, удивительно-светла,
как сад, омытый солнечной водой.

И не было печалей и обид,
и пробирала, как в ознобе, дрожь.
...А фрак на нем рогожею висит.
Нисколько на артиста не похож.

* * *

Еще вчера, дождем секом,
был мир открыт ветрам,
а нынче – звёзды косяком,
как будто нерест там.

Стою. Еще на костылях.
Уже могу стоять.
И отступают тлен и страх,
и я живу опять!

И то, что было, все в дыму:
разлуки и любовь.
И я стою и не пойму,
что я родился вновь.

* * *

Так же птицы осанну пели
изо всей своей птичьей силы.
Мир был молод. Еще Помпеи
мертвым пеплом не заносило.

Ты спускалась лианой гибкой,
в мгле вечерней видна нерезко.
Но доверчивую улыбку
навсегда сохранила фреска.

Платье – словно вчера надела,
та же легкая хмарь на небе...
Как ошибся я! Что наделал!
Двадцать с лишним веков здесь не был.

Юный ветер над миром реет,
он в музейные рвется холлы...
Между нами, как пропасть, время,
беспредельный, безбрежный холод.

Словно я услышал случайно,
забывая, что жить мне мало,
эхо тысячелетней тайны,
что так долго не умирало.

* * *

Борису Полякову

Коммунальный оазис в пустыне асфальта...
Здесь в прохладе, сменившей полуденный зной,
извлекала игла из пластинки контральто
безнадёжно забытой певицы одной.

Молодела мелодия, и на паркете,
сняв обувку, стараясь из всех своих сил,
танцевали прилежно серьезные дети,
и товарищ мой гулко о чем-то басил.

Я смотрел на детей, на их робкий румянец,
позабыв, что совсем от жары изнемог,
и пленял меня их зажигательный танец,
что балетным канонам ответить не мог.

А певица все пела. И было мне жалко,
я боялся: неужто случится вот-вот —
скажет властно папаша, довольно, мол, жарко,
и священное действо навеки прервёт.

Я молил про себя: «Ну, еще хоть десяток,
только десять коротких секунд волшебства!»,
и планировал с неба весёлый десантник —
жёлтый лист, и робела другая листва.

...Мы — как листья. Летим мы без автопилота.
Всех нас прочно забудут, настанет наш час.
Лишь бы танец листвы, лишь бы счастье полёта
повторились еще — это память о нас.

* * *

Зацветают паслёны.
Столько зрячих ветвей
над щемяще-зелёной
стороною твоей.

Моют резкие реки
берегов керамзит...
Ты запомнишь навеки
этот краткий визит

к травам чистым и рослым,
к тыну, где коновязь.
В том общении с прошлым
есть и с будущим связь.

* * *

— Останься!
Но поезд трогает,
перроны бегут назад.
Не надо смотреть так строго:
тебя выдают глаза.

Читаю я в них: «Ну что же

установился, как баран?
Еще не поздно, Сережа,
в вагоне сорвать стоп-кран.
Ещё твой путь неопознан,
он пройден всего на треть.
Еще ничего не поздно —
даже и умереть...».

А я, на подножке стоя,
от смерти не жду вестей,
раздавленный пустотою
бессмысленных скоростей.

* * *

— Как имя твое, скажи мне?
— Но тут ни при чем слова —
тут голос задиры-грома,
апрельская синева,

капель, что дырявит вёдра,
оживший от спячки дом
и радостная собака,
виляющая хвостом.

И ночь. И вздыхают клены,
друг друга нежно обвив...

Наречье лесов и ветра,
горячий язык любви.

* * *

Журавли подают сигнал.
Завтра, видно, дождик польёт.
Навсегда, прошу, навсегда
ты запомни этот полет!

Этот сумрак, что загустел,
по уступам сырым скользя,
эту грусть расставанья с тем,
что уже повторить нельзя.

Будет тихая смена дней,
будет мир всё так же велик,
но становится он бедней
на один журавлиный крик.

* * *

Не слышно здесь гомона чаек,
затылок замшел валуна.

Как лёгкую лодку, качает
арбузную корку волна.

Весь берег народом запружен,
здесь яростных жаждут лучей,
забыв про обед и про ужин
и все наставленья врачей,

теснятся в кафе среди чада,
где разве что мухи не мрут,
следуя, чтоб любимое чадо
с ладоней оттерло мазут...

Наверно, здесь многим не мило,
не нравятся пляж и вода,
и все же какая-то сила
людей направляет сюда.

Зачем? Что влечёт нас с тобою?
Везде хорошо, где нас нет.
Кто скажет? Лишь грохот прибоя,
наверное, знает ответ.

* * *

Я жил предчувствием разлук,
все знал я наперед.
Прощальный в небе сделав круг,
растаял самолёт.

А я стоял, а я смотрел,
лёд каблуком дробя,
и зашагал, как на расстрел,
туда, где нет тебя,

где больше мне покоя нет
в объятьях тишины,
где только память, только след,
лишь боль моей вины.

* * *

Вот и угасло лето, только грустить не надо:
слушайте песни леса, музыку листопада.
Пусть застывают смолы, пусть зазвучит на вербах
звонкое птичье соло в сопровожденье ветра.

Звонче той песни нету. Лес – как турецкий рынок...
Слышишь, поют кларнеты, флейты и окарины?
Лист приземлится грузно, шишки ударят оземь...
Это совсем не грустно, если настала осень.

Эй, трубачи, за дело, чтоб, догоняя лето,
вновь над землей летела
светлая песня эта!

Ты у меня одна

* * *

Белый квадрат стены,
эхо минувших снов.
Желтым серпом луны
скошен недели сноп.

Ходиков мерен ход,
спит опустевший дом.
Самый несчастный тот,
кто одинок вдвоем.

* * *

Цветком хризантемы опять распускается солнце.
Мы бродим, как тени, в тени заходящего лета.
Так, рада отсрочке, на ветках листва остается
до первых дождей, от которых спасения нету.

Длинней стали ночи. Уже не натешиться далью
миров внеземных. Стынет дня неоконченный слепок.
И будут слова коротки, и душить, как рыдания.
И самое главное трудно сказать напоследок.

Зачем же себя мы разлукой, как голодом, морим?
Ведь голубем память в стекло в исступлении бьётся.
И солнце встаёт. Поднимается солнце над морем.
Цветком хризантемы опять распускается солнце.

* * *

Молчанье призрачных высот...
В нем столько горького укора.
И сердце холод обдаёт
непостижимого простора.

Желтком яичницы – закат,
но с ним не радует свиданье:
как будто в том я виноват,
что ждёт Земля похолоданья,

что ветер выстудил жильё,
перечеркнув все краски тушью.
Не равнодушие ль моё
в ответ рождает равнодушие?

.
* * *

Всё смешалось, всё давно смешалось,
всё я в кучу общую свалил —
даже эту мелочную жалость
по словам несказанным своим.

Поменяю шило я на мыло,
будет жизнь — один сплошной вокзал.
Отчего, когда ты говорила,
я тебе ни слова не сказал?

Может, всё б не кончилось разладом?
А теперь — ты, в общем-то, права —
ничего жалеть уже не надо,
только эти хмурые слова.

.
* * *

Пожилая, вся в чёрном, актриса,
ты теперь уже трижды вдова.
Балериною в день бенефиса
отрешённо порхает листва.

Жёлтый день. Чья-то скучная жалость.
Ручеёк обесцвеченных слов.
Что теперь? Никого не осталось —
ни детей, ни друзей, ни врагов.

* * *

Ночь, как агат, черна, нет ни огня.
Ты у меня одна, ты у меня.
Сколько прощала мне горьких обид...
Вижу, как ты в окне плачешь навзрыд.

Вижу сквозь гущу лет твой силуэт,
но возвращенья нет
в то, чего нет.

* * *

Кресалом поздних туч октябрь зарницу высек,
равнины и холмы струей дождя омыв.
И ветер, как орган, звучит в погасших высях
посланником снегов, предвестником зимы.

И этот тихий звук — слабеющий, покорный,
как лист последний, вниз, из сумрака времен
планирует впотьмах на мягкий мох, на корни.
Крик раненой звезды.
Сиротский тихий стон.

* * *

Зима готовится к броску.
Чернеет поредевший сад.
Ты погаси мою тоску,
маэстро неба, снегопад!

Чтоб эта музыка без слов,
небес безгрешное дитя,
плыла из белых облаков,
как шелк, прохладно шелестя.

* * *

В большой пустой квартире,
за спинки стульев взявшись
(не топятся котельные, все батареи – лёд),
произнесем вдруг страшные, беззвучные, озябшие
слова, и их значение до сердца не дойдёт.

Как быстро все меняется! Во все души излучины
слова втекали радостью, и каждый верил им.
Стоим. Слегка растерянно. Но, вероятно, к лучшему,
что всё не так случается, как мы того хотим.

Так холодно на улице! Весна – вот удивительно.
Откуда-то из Арктики пришел антициклон.
Но не питай иллюзии: закончен отопительный,
да вот теперь закончился и наш с тобой сезон.

И не ищи тут логики. Осмысливать – излишнее.
С бедой мы расквитаемся, но вот какой ценой?
Разгадка в том, что знали мы, что знали только личное,
одно местоимение из буквы из одной.

Почувствуем, наверное, как время это тянется,
и пусть порой по-первости не обойтись без слёз,
давай хоть для приличия с достоинством расстанемся,
давай с тобой придумаем, что виноват мороз.

* * *

Проходит ночь, и ослепляет день
июньской вакханалией акаций.
Но прошлое спешит за мной, как тень,
с которой мне не суждено расстаться.

Преследует виденьями, дразня,
и их герой то простоват, то сложен,
то он похож порою на меня,
то вроде бы он чуточку моложе.

Всё крутится то странное кино:
вот девочка, что повзрослела рано,
вот женщина, забывшая давно
подробности случайного романа,

вот вечные враги мои, а вот
товарищей рассеянные лица...
Прошу простить на много дней вперед
за то, что с вами не дано проститься.

Спасибо вам. Всё, кажется, прошло.
И я уже давно не протестую.
Возможно, это благо, а не зло,
когда тебя забыли подчистую.

.
* * *

Давно ли ты, смакуя, пожинал
плоды побед, не зная про лишенья?
А нынче вышло так, как не желал,
и вынужден терпеть ты поражение.

И рядом нет товарищей твоих —
одно безлюдье полуночных улиц.
Они тебя ударили под дых.
Они теперь к врагам переметнулись.

Они уже с насмешкой говорят
о странностях твоих и личной драме,
и, повстречавшись, прячут скользкий взгляд
под темными змеиными очками.

Не стоит их жалеть, себе не лги.
Ты стал для них почти как птеродактиль.
Верны тебе всегда одни враги.
Выходит, враг добрее, чем предатель?

* * *

Прощай, снежный край! Уеду.
По робкому лисьему следу.
В четверг или даже в среду.
Прости меня, непоседу.

Уеду туда, где тесно
среди многорукой рощи.
Разбухшая, словно тесто,
земля там тепла на ощупь.

Там птицы галдят, как дети,

хвалу воздавая маю,
в малиннике там медведи
сердито сучья ломают.

Там сушат на белых срубках
зеленые косы вёсны.
Луна – как серебряный рубль
и горстка монеток – звёзды.

Истратит их ночь к рассвету,
рассыплет дождем в криницы.
За блеск серебристый этот
вовек мне не расплатиться.
Ещё в календарь все мы веруем слепо

* * *

Нечёсан, небрит, неухожен,
я жил там, где галочья стая,
собак и случайных прохожих
своими друзьями считая.

Я слушал внезапные трели
и звезды считал над собою,
открытый, как ветер апреля,
беспечный, как песня прибоя.

Но канули в прошлое годы,
обрёл я надежные пути.
Зачем променял я свободу
на тусклую роскошь уюта?

Визиты. Дежурные речи.
Приёмы. Парадные фраки.
Шарахаются при встрече
знакомые прежде собаки.

А в жизни – какая-то беглость,
и тошно от сытого рая.
И снится веселая бедность
и звездное небо без края.

О шумное братство пернатых,
озёра доверчивой сини,
примите в родные пенаты
усталого блудного сына!

Хмельной от пчелиного гуда,
от встречи с непуганой тайной,
я все на Земле позабуду

от близости этой случайной.

* * *

Водокачка. Улочки кривые.
У подъезда, как всегда, не в духе,
неусыпно, словно часовые,
круглый год дежурили старухи.

Было мне, признаться, не до шуток:
часовые знали все на свете —
с кем пришел, в какое время суток,
даже что завернуто в газете.

Неотрывно следовали тенью,
взглядами буравя, словно шилом,
и в глазах их было осуждение,
если ненароком заносило.

Лучше бы им сляпали сторожку —
не подсутились домочадцы.
Я готов был прыгать из окошка,
лишь бы только с ними не встречаться.

Но снесли дома по всей округе.
Новостройки. На дорогах – ралли.
И пропали зоркие старухи —
в знак протеста враз поумирали.

Нету вас... Со мною трезвый шурин.
Мы идём. Он еле тащит ноги.
У подъезда больше не дежурят —
не с кем поругаться по дороге.

Черт побрал бы эту жизнь такую!
Выпить не с кем – шурин вшил «торпеду»...
Где же вы, старухи? Я тоскую.
На могилки к вам я не поеду.

* * *

Давно все забыто. Сгорела мечта без огарка.
Живу, как придётся, скукоженный, как запятая.
Но я вспоминаю хрустящую белую гальку.
Зачем – я не знаю. Но все-таки я вспоминаю.

И девочку эту. Зачем я так быстро уехал?
Судьба отвернулась, с лихвой подарила невзгоды.
Но я вспоминаю – и нежности слабое эхо
находит меня через тускло шуршащие годы.

Два-три поцелуя да быстрое рукопожатье
и пляж, что штурмуют весь день современные гунны.
И белое это, пронзительно-белое платье —
как будто из снега и лунного света лагуны.

Не сон ли все это? Я сам сомневаюсь отчасти.
Закрою глаза – и, как ветер, проносится мимо
дыхание моря, дыхание близкого счастья —
всего только миг на будильнике вечного мира.

* * *

Как давно все это было! Захолустный городок,
пыль, горячая от зноя, на обочинах дорог,
три акации, тутовник, шорох тощих тополей,
а под крышей – голубятня, в ней с десятков сизарей.

Вот опять они взлетают – замирает сердце аж.
Это – высшее искусство, это – высший пилотаж:
кувыркание, мельканье серебристых птичьих тел,
и охватывает радость, будто это ты взлетел.

Будто это ввысь рванулись подростковые мечты...
Нет на свете счастья выше ощущения высоты!
...Как сказать мне этим птицам, и нужны ли тут слова,
что навек не позабуду их уроки мастерства?

Как они, в хмельном азарте не могу умерить прыть,
как они, стремлюсь мечтою я все выше воспарить.
И, как в детстве, – не успеешь даже сосчитать до двух —
от просёлочного ветра вновь захватывает дух.

* * *

Птицы хлынули опять,
города поют и веши.
Им теперь не время спать —
это время новых песен.

Воробей на ветку сел,
пахнет забродившей брагой,
и уже тяжёл и сер
ыхлый снег, набухший влагой.

День встаёт из-за леска,
ярким, ясным светом залит,
и совсем уже близка
наша встреча на вокзале.

И теперь запретов нет
ни на что: я смел, как птица,

и шагну я в новый свет,
чтобы в нём не раствориться,

чтоб с приливом свежих сил
я в другой перезагрузке
песни птиц переводил
с поднебесного на русский.

* * *

Повсюду цвели мандарины, и гальку слюнявил прибой.
Зачем мне судьба подарила ту первую встречу с тобой?
Я снова её вспоминаю, да разве забыть я бы смог
ленивое марево мая
и море ручное у ног?

Но быстро летели недели, свой счёт уступая годам...
За веер той белой метели всё в этой жизни отдам.
За эти туманные дали, за эту безбрежную гладь,
за то, что никто не подарит,
и что никому не отнять.

* * *

Вот я встану сейчас и скажу,
что я тоже с трамвая схожу.
Нет, с ума я еще не схожу,
нам, наверно, давно по пути,
не спешите так просто уйти.

Постарайтесь хоть что-то понять.
Посидим. Еще, кажется, пять.
Помолчим. А над городом – дым.
Я, как он. Я таким же седым
растворюсь в частоколе оград.

Что-то спросите.
«Да, – невпопад
я отвечу. – О чем это вы?
В этом мире так много травы.
И любви. Поглядите, она
даже в воздухе растворена.

Дайте руку, уйдем поскорей
от домов, от машин, от людей,
и в лесов голубой окоём
грусть свою навсегда окупём,
все забудем...».

Но лязгнет вагон,
вы сойдете, лишь ветер вдогон.

Только дым. И несусь я опять
одиноким ночам считать.

В эту комнату с пылью в углу,
в эту сизую плотную мглу,
где броском в амбразуру окна
вдруг влетает гранатой луна.

* * *

Дождь августовский, слезою прощальной вымой
окна и крыши, чтоб вновь я услышал, как прежде,
шорох листвы, словно шорох одежды любимой,
чтобы еще оставалось местечко надежде.

Чтобы душевная смута и черная зависть,
грусть и разлад унеслись с прошлогоднюю прелью,
чтобы я чувствовал снова, что я растворяюсь
в женщине этой, как зимнее время в апреле.

Музыкой слова, гармонией струнного лада
душу овеет, как ветром, что пахнет сосною.
Дай испытать эту солнечность внешнего взгляда —
ту бесконечность, что будет навеки со мною!

Чтобы прозрачные эти, прохладные зори
вновь подарили, как радугу после ненастья,
радость и боль, и тревогу, и нежность во взоре...
Все это вместе и есть ощущения счастья.

* * *

Уже леса ветрам покорны, про стать и красоту забыв,
они обнажены по корням и беззащитны, как рабы.
Не слышно славок и удода – волной сомкнулась тишина.
Как будто в эти дни природа в глубокий сон погружена.

Она как будто приморилась, как устает порою мы.
Как будто тихо примирилась
с неотвратимостью зимы.

* * *

Ещё в календарь все мы веруем слепо,
арбузы от зноя трещат на бахчах,
но, как ни крути, а кончается лето —
последний левкой безнадежно зачах.

Куда тут деваться? В багрянец оделась
осина, и ветер другое поёт...
Когда наступает высокая зрелость,
душа принимает не сразу её.

Ты мне нужна не для меня

* * *

Ревут аэродромные поля.
Торопимся. Куда-то улетаем
вслед птичьим стаям. Как они, растаем,
над белой беспредельностью паря.

Нам мало этих городов в дыму —
найти бы угол там, где смертный не был.
Не так ли роща тянет руки к небу,
сама не понимая, почему?

* * *

Не надо грустить и сердиться не надо:
всё это покажется глупым и лишним,
когда наступает пора листопада,
стартуя бесшумно, как опытный лыжник.

И ночь-кобылица по травам белёсым,
по стынувшим росам промчит, вороная.
И вздрогнет, как будто очнувшись, береза,
янтарные слезы на землю роняя.

Все ветви её обозначились резче
и тянутся к небу, как чуткие руки.
Так женщина плачет от радости встречи,
не зная, что это – начало разлуки.

Но так ли уж важно, что кончилось лето,
и листья несутся у водораздела.
Лишь только бы радость мгновенная эта
хотя бы однажды душой овладела.

* * *

Ты небу близкая родня.
Оно совсем неподалёку.
И ты нужна не для меня —
я научу тебя полёту.

Я словно сказочный Левша.
Я для того живу на свете,
чтоб обрела разбег душа
и крылья трепетные эти.

Забудь про все свои все дела,
теперь твоё предназначенье —
жалеть, что долго ты жила

без ощущения паренья.

Теперь даровано судьбой
узнать: ты у границы рая,
и под тобой, и над тобой
лишь небо – без конца и края.

Я свято выполнил зарок,
я жил потерянно и немо,
но я зато тебя сберёг,
я сохранил тебя для неба.

И луч надежды не потух,
светил он, как прожектор, ярок,
когда я верил в высоту,
что принесу тебе в подарок.

* * *

Давай, водила, жми на все педали,
мы не боимся Страшного Суда,
ведь мы сейчас впервые испытали,
что потеряли что-то навсегда.

Мы уезжаем. Можно оглядеться.
Велюр тумана ластится к реке...
Ну что ж, давай с тобой простимся, детство,
ты остаешься в этом далеке.

Но как случайно сказанное слово
напомнит то, что унеслось, как дым,
так лунной ночью нам приснится снова,
что мы, куда неведомо, летим.

* * *

Я не истратил весь свой пыл.
Пусть много суеты.
тебя я видел среди толпы,
но исчезала ты.

И в этом городе большом,
что был душе не мил,
к тебе я приближался, шёл,
увы, не находил.

Пойми, мне только двадцать лет,
и тверд я, как наждак.
Цеплялся каждый турникет
в метро за мой пиджак.

Но я не думал в эти дни,
свой продолжая путь,
что я цепляюсь, как они,
за то, что не вернуть.

* * *

О девочка! Мы – убийцы, убили мы эти дни.
И страх, словно дым, клубится, когда мы с тобой одни.
Заложники беспредела, живем у Судьбы взаймы.
Любви нашей мертвое тело на свалке зарыли мы.

Стоим под безлунной липой. Не надо грустить. Пустяк!
Мы всё позабудем, либо не вспомним три дня спустя.
Закрыли глаза немые хамелеон-очки,
и завтра уже не мы, а наглые двойники
по жизни пойдут без страха, хоть руки у них в крови...

Не может восстать из праха
усопший призрак любви.

* * *

Кипит курортная страда, но едешь ты не в Крым —
ты исчезаешь навсегда, как этот лысый дым.
Кишит людьми большой вокзал, как рисинками плов...
А я тебе и не сказал каких-то важных слов.

Теперь меня и не проси, слова уже не те:
они застряли, как такси, в вокзальной суете.
И наше время истекло. Прощается родня,
и ты глядишь через стекло
уже не на меня.

* * *

Мы ожиданьем сумерек живём.
Преображает темнота жилище.
И входит в нас с погашенным огнём
спокойствие, что мы так долго ищем.

Притворства нет. Не существует зла.
Мир осязаем и намного проще.
Мгновенье счастья, полное тепла...
Его лишь можно распознать на ощупь.

* * *

Не найти твоих следов – хоть справляйся в МУРе.
Нрав у октября суров – небо брови хмурит.
И, как эпилог всему, свистопляска буден —
это тризна по тому, что уже не будет.

В лужу тень от фонаря плюхнулась, косая.
В огород соседский я камешки бросаю,
треплет ветер ветки лип, по песку елозит;
как горчичник, лист прилип на спину берёзе...

Не уеду ни в Москву, ни в какие Сочи!
Пусть, как жухлую листву, дождь меня намочит,
пусть пройдут и день, и сто, в том себя утешь ты,
что проклянется росток зернышка надежды.

* * *

Не надо, ни на что не жалуйся,
а лучше всё прими, как есть,
хотя пришла худая весть
и нету повода для жалости.

Пока ты чванством не раздут,
поверь, что так необходимо,
поверь: любовь неотделима
от ожидания разлук.

* * *

А ты была какая-то другая,
и не похожа на себя нисколько.
Тебя такую я теперь не знаю
и собираю в памяти осколки.

Но все равно я образ твой не помню,
я помню лишь слова, да твоё имя.
И образ этот мишурой наполнен,
детальями какими-то другими.

Прости великодушно, если это
поможет в чьей-то памяти остаться
любимой неизвестного поэта,
которому всего-то лишь семнадцать.

Но он наивен. Он – совсем ребёнок,
как первогодок в армии, салага.
И в сердце столько у него пробоин,
что даже меньше было у «Варяга».

* * *

В городе ночь, как бархат, только нам чёрт не брат:
слух не ласкают арфы – видно, не ждать добра.
За колбасой поездки, очередь возле касс,
наша любовь в подъездах – стыдная, напоказ.

Всюду такая людность, грязь и густая гарь —

это ведь наша юность, нищая, как январь.
Кто заварил ту кашу тускло летящих лет?
Горькая эта наша память того, что нет.

Выбран безумный вектор, вот оттого и злость.
Как нам считать проектом
то, что не задалось?

* * *

Не гляди в дверной проем, за которым,
задевая крыльями потолок,
проносится огненным метеором
рядом с лампочкой мотылёк.

Знаешь, милая, я ведь тоже,
как и он, счёт теряя годам и дням,
ничего как следует не итожа,
все кружу по селам и городам.

Знаешь, во мне это неистребимо:
не выношу ни заборов, ни стен.
Оттого и теряю друзей и любимых,
не получив ничего взамен.

Ты прости, если чем-то тебя обидел —
так много было ненужных дел,
за то, что главного не увидел —
наверное, не туда глядел.

За то, что прошу у тебя прощение,
за то, что верю в тебя пока...
Кружусь – бесконечно мое кружение,
кружение мотылька.

* * *

Ветер уснул в рыхлой листве, лес удивленно-тих:
необъяснимый струится свет глаз твоих колдовских.
Милая, руки твои легки, робки, как листопад.
Звёзды, как белые мотыльки, над головой летят.

Тонет луны голубой овал в копнах сухих омел,
чтоб многоустый ночной хорал
песню любви нам пел.

Трубят зима в хрустальный рог

* * *

Сентябрь с неожиданной силой прилива
вырывается в мир – так велит ему Время,
и солнце похоже на сизую сливу

в янтарном, густом облепиховом джеме.

Простор, и ему нет, наверно, предела,
багрец в тираже, и от охры нет спаса,
и хочется, чтобы душа просветлела,
как лес – до начала еще листопляса.

* * *

Вспыхнет яркий фонарь над пролетом моста,
и опять темнота обнимает восток.
Бестолковая жизнь. Суета. Маета.
Только время шумит, словно горный поток.

Только время опомниться нам не дает:
зазевался – уже никогда не настичь.
Так охотник в засаде, невидимый, ждет,
но прицелится с места срывается дичь.

А вокруг – тишины голубое сукно.
Спит в берданке клубочком свернувшийся гром.
И уже не догнать, и уже всё равно,
если ты опоздал, что случится потом.

* * *

Неужели зима? И тоска наползает тупая,
и опять я живу, путь к мечте на тщету разменяв.
Так она далеко. И опять темнота подступает,
и опять атакует на подступах ближних меня.

Где же свет этот, где? Так совсем я утрачу альбедо.
Мне и так уже выпало в жизни одно дефиле.
Пораженья сменяют цветущие кучно победы.
И сижу я один. Только водка на чистом столе.

* * *

Не так уже свищет озябший летун,
и сморщился лист, как на венике банном,
и тихо звенит на ветру, как латунь,
осенняя роща венком погребальным.

Мир пасмурью волглой, как губка, набряк,
наполнен холодным октябрьским душем...
Давай мы отложим прощальный обряд,
не надо томить мою грешную душу.

Шагну, как слепой, я за этот порог,
не просто лишиться последнего шанса —
так ловит астматик, хрипя, кислород,
когда уже больше нельзя продышаться.

* * *

Всё в этой осени не так,
её нам неизвестны планы.
И вновь фланирует желтяк —
так ветер гонит дельтапланы.

И страх ознобом проберёт,
когда не можешь дать ответа,
что означает тот полет
детей изнеженного лета.

Когда, как эскадрильи, в ряд
одни летят, потом другие.
Что здесь: торжественный обряд
сродни церковной литургии?

И как они, парит душа,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.